

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации САЛТУГАНОВОЙ Дарьи Александровны

«Вариантность и вариативность гласных в речи билингва:

экспериментально-фонетическое исследование»

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

по специальности 10.02.19 – Теория языка

Представленное к защите диссертационное исследование посвящено изучению вариативности гласных в речи билингвов и теоретическому осмыслению этой вариативности как реализации языковой системы билингва.

Проблема билингвизма в настоящее время занимает особое место в языкознании. Изучение билингвизма важно, во-первых, потому, что большая часть людей в мире является билингвами того или иного типа и количество билингвов, по крайней мере искусственных, постоянно растет из-за увеличения интенсивности контактов между представителями разных этносов. Во-вторых, исследование билингвизма важно для целого комплекса дисциплин, связанных с анализом языковой способности человека: психолингвистикой, социоллингвистикой, нейролингвистикой и теорией когнициии в целом. Таким образом, поставленная в работе проблема является многоаспектной и **актуальность** выбранной темы исследования не вызывает сомнений.

Предметом исследования в работе являются артикуляторные и акустические особенности гласных в речи искусственных билингвов: русско-немецких, горномарийско-немецких и лугомарийско-немецких. При этом рассматриваемые группы являются крайне интересными, поскольку их представители проживают в условиях специфической языковой ситуации Республики Марий Эл, где русский язык представлен своим региональным вариантом (на который, несомненно, оказали влияние и марийские языки),

а горные и луговые мари, кроме того, что являются искусственными билингвами, еще и естественные русско-марийские билингвы. Таким образом, в речи информантов взаимодействуют не два, но большее количество языков. Эти особенности языковой ситуации не могли не сказаться на немецкой речи информантов, что делает поставленную проблему еще более **актуальной и теоретически значимой**. Исследование различных взаимодействий между языковыми системами как внутри одного языка, так и «на стыке» разных языков важно для развития общей теории билингвизма, как индивидуального, так и социального, а следовательно, и для развития всех указанных выше научных областей.

Новизна исследования заключается, во-первых, в привлечении к изучению искусственного билингвизма нового материала (немецкой речи горных и луговых мари), а во-вторых, в определении границ вариативности акустических параметров гласных в информантов, чего не делалось в предшествующих работах.

Теоретической основой работы является функциональный подход к билингвизму, при котором предполагается, что «глубинным» предметом исследования является не собственно вариативность реализации гласных, а их функциональные свойства, т.е., очевидно, граница вариативности, которая не мешала бы коммуникации, пониманию. В связи с такой постановкой проблемы автор работы рассматривает теории билингвизма, существующие в современной лингвистике, и приходит к выводу, что речь искусственного билингва на L2 является вариантом реализации языковой системы L2. По мере усвоения иностранного языка индивид, так же, как и при усвоении родного языка, выстраивает целостную систему этого иностранного языка, которая на разных степенях владения данным языком в разной степени будет приближаться к целевой системе (с. 62). Такие теоретические позиции кажутся интересными, однако хотелось бы видеть более четкое место родного языка в этой модели, который, безусловно, и это убедительно показано в диссертации, влияет на систему L2.

Наибольший интерес, с моей точки зрения, представляет собой практическая часть работы, в которой выполнен тщательный слуховой и акустический анализ вариативности произнесения гласных информантами. Заслуживает внимания большой **объем** исследованного материала – около 1000 слогов из речи 30 информантов.

В работе исследуются следующие акустические параметры гласных: частоты F1 и F2, а также длительность звучания гласных. Результаты по вариативности произнесения каждого гласного немецкого языка в реализации носителя немецкого языка, а также в реализации информантов русских, горных мари и луговых мари представлены в таблицах приложения. Важно, что эти реализации рассматриваются в зависимости от такого важного фонологического свойства немецкого языка, как структура слога – открытый или закрытый слог. Таблицы приложения наглядно показывают, что и носитель языка, и тем более информанты-билингвы отклоняются в своей речи от эталонного произнесения звуков. В некоторых случаях отклонения в реализации F1 достигают почти 300 Гц (см., например реализацию гласного /o:/ русскими информантами), а отклонения в реализации F2 – 2000 Гц (см. реализацию того же гласного информантами – носителями горномарийского языка). Длительность гласных также варьируется очень широко – у билингвов она может быть в 2 или более раз меньше или больше, чем того требует норма немецкого языка. Все это показывает, что в своих реализациях информанты часто не просто выходят за рамки акустических зон соответствующих немецких фонем, но и попадают в зоны других фонем, которые находятся даже не рядом с ними в треугольнике гласных.

Тем не менее наиболее близкими к реализации нормативных немецких звуков оказываются носители горномарийского языка, система гласных у которых наиболее близка системе немецкого языка. Одновременно с этим не только акустическая реализация гласных, но и их статистическое употребление чаще оказывается нормативным у носителей

горномарийского языка. Таким образом, чем легче носителям языка дается нормативная реализация звуков, тем чаще они правильно произносят их в речи.

Статистический анализ произнесений гласных в тексте, проведенный автором диссертационного исследования, заслуживает особого внимания. Он показывает, что в речи информантов-билингвов ненормативные гласные реализуются в среднем в 74–87% случаев. Однако Д.А. Салтуганова утверждает, что это не мешает другим билингвам и носителям языка понимать их речь. На первый взгляд, это кажется парадоксальным, поскольку такой большой процент отклонений от нормы все-таки должен мешать пониманию. Но, с другой стороны, последние данные о реализации звукового потока говорят о том, что в речи носителей, например, русского языка в той или иной степени редуцируется более трети звуков и это не мешает нам правильно понимать собеседников, поскольку недостающие сигналы «достраиваются» до идеальной транскрипции исходя из семантики сообщения и контекста. В этом смысле можно рассматривать речь билингвов в том же ряду, что и речь носителей языка с большей степенью выраженности отклонений. И это, кстати, также подтверждает возможность рассмотрения системы иностранного языка у билингвов как варианта L2.

Еще раз подчеркнем добросовестность и скрупулезность двустороннего анализа материала, как слухового, так и акустического, который не дает усомниться в **достоверности** полученных автором **результатов** исследования.

Практическую значимость данного исследования я вижу прежде всего в том, что его результаты могут и должны применяться в преподавании немецкого языка в Республике Марий Эл. Полученные автором данные говорят о том, что фонетической стороне речи на иностранном должно уделяться большее внимание и методически преподавание фонетики должно строиться, очевидно, с учетом родного языка обучающегося.

Давая высокую оценку диссертационному исследованию в целом, отмечу, что некоторые моменты в нем, прежде всего теоретические, вызывают сомнения, в связи с чем возникают вопросы и замечания.

1. Несмотря на то что в названии диссертации заявлены «вариантность и вариативность гласных в речи билингва», в работе исследуется только вариативность, в то время как вариантность – не затрагивается. Поскольку вариантность – свойство языковой системы как таковой, ее исследование в речи билингва требует фонологического анализа или, как минимум, анализа перцептивного, чего в работе не делается.

Два следующих замечания связаны с первым и составляют вместе с ним единый комплекс проблем, относящихся к области фонологической трактовки явлений, рассматривающихся в диссертации.

2. Непонятно, на каких фонологических позициях стоит автор диссертации. В теоретическом описании используются термины «фонема», «аллофон» и весьма неопределенное выражение «звукотип», которое не имеет терминологического статуса, при этом Д.А. Салтуганова опирается и на положения Московской фонологической школы, и на положения многоступенчатой фонологии, в данном случае представленной концепцией А.Н. Рудякова. В то же время в практической части работы описание фонологических систем гласных разных языков, а также определение фонологического статуса гласных в исследуемых словоформах дается согласно Петербургской фонологической школе. Объединение этих концепций вряд ли представляется возможным, поскольку в основе их лежат принципиально разные позиции, а под термином фонема подразумеваются совершенно разные, не сводимые воедино сущности. На каких же фонологических позициях стоит автор диссертации?

3. В диссертационном исследовании неоднократно указывается, что отклонения в произнесении не мешают пониманию речи информантов, а в заключении говорится, что «языковая компетенция билингвов и носителей языка позволяет им идентифицировать все произносимые варианты гласных

в немецких словах как гласные немецкого языка» (с. 196). В тоже время перцептивный анализ гласных в исследовании не представлен. На каком основании делается вывод о том, что гласные воспринимаются адекватно фонемному составу слова и именно как данные немецкого языка?

4. Следующий вопрос связан с моделью речепроизводства, представленной в диссертации. Д.А. Салтуганова опирается на уровневую модель порождения речи, рассматриваемую в учебнике по общей фонетике С.В. Кодзасова и О.Ф. Кривновой (2001), которые, в свою очередь основываются на моделях порождения речи А.А. Леонтьева (1969) и Л.А. Чистович (1965). Эта модель не является единственно возможной и, кроме того, она, к сожалению, уже устарела. В настоящее время принято оперировать модулярными моделями, в рамках которых предполагается, что разные модули языкового механизма могут работать параллельно, результаты их работы накладываются друг на друга во времени и ограничения одного уровня определяют решения на всех остальных уровнях (MacCawley 1980). Кроме того, существуют специальные модели речепроизводства при билингвизме (см., например: Green 1993; de Bot 2007; MacWhinney 2004 и др.). Почему из всего множества моделей выбирается именно модель А.А. Леонтьева?

И еще несколько совсем мелких замечаний и вопросов.

5. Хотелось бы выразить сожаление, что в материалах представлены только средние частоты формант, но не показана их вариативность – диапазоны формантных частот реализуемых информантами гласных. Представляется, что это обогатило бы работу и позволило бы сопоставить эти данные с данными по вариативности реализаций нормативных немецких гласных.

6. При описании фонологической системы русского языка утверждается, что гласные /a/ и /ы/ являются гласными смешанного ряда (с. 42). Однако, если трактовки гласного /a/, действительно, противоречивы – его трактуют и как гласный заднего ряда (Бондарко 1977),

и как гласный среднего ряда (Панов 1979), и даже как гласный переднего ряда (Матусевич 1976), что связано с отсутствием у данного гласного противопоставлений по ряду в фонологической системе русского языка (но все же отметим, что никто не определяет его как гласный смешанного ряда), то квалификация гласного /ы/ у всех фонетистов совпадает – это гласный не смешанного, а центрального, или среднего, ряда: при артикуляции данного гласного язык не вытянут вдоль всей полости рта, а имеет форму «горки», расположенной по центру ротовой полости.

7. В работе немецкие согласные называются твердыми (с. 85). Очевидно, что такое определение немецких согласных некорректно, поскольку в немецком языке нет противопоставления твердых и мягких согласных и фонологический признак твердость–мягкость отсутствует.

8. В диссертации присутствует ряд достаточно спорных и категоричных заявлений, которые никак не комментируются. Приведу два примера. На стр. 31 утверждается следующее: «все люди дифференцируют примерно одни и те же классы гласных и при этом используют одни и те же признаки». Это утверждение противоречит принципу «фонологического сита», провозглашенному еще Н.С. Трубецким и подтвержденному многочисленными исследованиями по восприятию звуков носителями разных языков. На стр. 35 весьма категорично утверждается примат функции над субстанцией. Представляется, что отношения между материей и функцией не столь прямолинейны, а диалектичны, поскольку материальная основа зачастую определяет как минимум возможные функциональные свойства звуков.

Несмотря на несогласие с автором работы по некоторым теоретическим проблемам, отмечу, что высказанные замечания и заданные вопросы не умаляют проделанной работы, во многом определяются, вероятно, разными теоретическими позициями автора работы и оппонента и являются дискуссионными. Практическая часть исследования представляется непротиворечивой.

